

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук Николенковой Натальи Владимировны
на тему: «Лингвистические особенности ученого регистра
церковнославянского языка второй половины XVII в. (на материале
Атласа Блау)» по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертационное исследование Натальи Владимировны Николенковой посвящено **актуальной** проблеме – аprobации и разработке гипотезы, выдвинутой в недавнее время В. М. Живовым, о возникновении и бытовании в церковнославянском языке XVII века «ученого» регистра. В качестве объекта изучения выбран текст, предположительно заложивший основы этого регистра, – перевод Атласа Блау, выполненный под руководством Епифания Славинецкого. Выбор именно этого текста для анализа, на наш взгляд, вполне оправдан в рамках заявленных цели и задач исследования, а его подробный лингвистический разбор обуславливает **новизну** работы и как первого системного описания языка этого письменного памятника, и как первого обращения к переводу как источнику по истории предполагаемого «ученого» регистра церковнославянского языка.

Принадлежность рассматриваемого Натальей Владимировной Николенковой текста к светской сфере и специфика его содержания на фоне традиционных для церковнославянского языка жанров делает его важным источником информации для историко-лексикологических исследований – прежде всего истории терминологии естественнонаучных дисциплин. Сопоставление с данными исторических словарей, последовательно проведенное в тексте работы, и предложение на этой основе корректировок семантики и дополнений к словарному составу являются значимыми **практическими** результатами, применимыми в обобщающих исследованиях по истории русского языка, в том числе в учебных пособиях. Полученные в диссертации языковые данные, показывающие отношение книжников к пониманию нормы, ее специфики в тексте светского содержания на фоне рекомендаций грамматики и

словарей, принципов ее представления на разных языковых уровнях делают важный вклад в **теорию** развития литературных языков; совмещение переводчиками Атласа Блау конвенциональной и неконвенциональной стратегии при нормировании языка и сделанные Натальей Владимировной Николенковой наблюдения о конкретных приемах такого совмещения, отразившихся в тексте перевода, дают важную информацию для **теоретических** разработок, касающихся соотношения нормы и узуса в истории литературного языка. Более частная проблема существования отдельного регистра языка – и конкретно «ученого» регистра русского языка XVII века – также получает большое количество фактологических данных для дальнейшего осмысления.

Структура диссертационного исследования Натальи Владимировны Николенковой, на наш взгляд, соответствует логике разноспектного диахронического описания основного объекта исследования: в открывающей диссертацию главе рассмотрены и обоснованы этапы деятельности, связанной с переводом Атласа Блау, тем самым намечена микрохронология исследования, а в последующих трех главах последовательно рассмотрены заслуживающие внимания явления разных языковых уровней, релевантные для реконструкции представлений книжников об «ученом» регистре, – лексического, грамматического и орфографического. Рассмотренный в четырех главах языковой материал содержательно соответствует положениям, которые Наталья Владимировна Николенкова выдвинула на защиту, и является их аргументационной базой. Структура работы напрямую соотнесена со списком целей и задач исследования, которые, на наш взгляд, отчасти дублируют друг друга: например, задача № 4 почти не отличается по формулировке от цели № 2. Решение выделить несколько целей вызывает необходимость более четкого их размежевания с задачами работы (по степени обобщения) и могло бы быть скорректировано в квалификационной части диссертации.

Все 10 вынесенных Натальей Владимировной Николенковой на защиту **положений** находят **обоснование** в тексте работы. Основные **выводы** работы,

сформулированные в Заключении, напрямую соотносятся с содержанием исследовательских глав и находят достоверное подтверждение в рассмотренном автором языковом материале. Логика описания многокомпонентного предмета изучения – «реконструкции работы над переводом Атласа Блау, а также лексических, грамматических и орфографических его особенностей» (с. 11) – не вызывает возражений и в пояснении, на наш взгляд, нуждаются только отдельные частные моменты, касающиеся языковой природы исследуемого «ученого» регистра. В положении № 7, вынесенном на защиту, Наталья Владимировна Николенкова к «принципам» формирования научной терминологии, которыми пользовались Епифаний Славинецкий и другие переводчики Атласа Блау, относит перевод слова или словосочетания, калькирование и прямое заимствование (с. 16). Между тем хорошо известно, что все три названных способа использовались в славянской традиции, начиная с первых переводов богослужебных текстов¹; в тексте самой работы (с. 218) со ссылкой на описание С. М. Глускиной говорится об использовании тех же трех способов перевода Иваном Дорном и Богданом Лыковым при переводе Космографии Меркатора в 1637 г. Рассмотренный Натальей Владимировной материал подтверждает наличие всех трех способов в переводческой технике Атласа Блау: Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский пользуются как «вошедшими в церковнославянский язык грецизмами», так и новыми, сочетают традиционализм в одних случаях с авторскими решениями в других, помимо латинизмов привлекают для формирования терминосистемы также латинизмы и регионализмы (с. 390). По нашему мнению, выводы исследования можно было бы сопроводить указанием на более конкретные характеристики лексики перевода, показывающие отличие переводческих принципов данной школы от других.

---

¹ См., например, работу: Чернышева М. И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкоznания. 1994. № 2. С. 97–107; и мн. др.

В некоторых случаях в качестве «принципа» в работе Натальи Владимировны Николенковой рассматривается более частное решение переводчиков, связанное с одной из групп лексики. Рассматривая перевод названий административно-территориальных образований в Главе 1, автор говорит об отличии «принципов» переводчика третьего тома атласа Исаи и переводчиков первых двух томов Славинецкого и Сатановского – например, Исаия переводит латинское слово *ducatus* как *князство*, а другие переводчики – как *княженіе* (с. 81–82). Если рассматривать этот частный сюжет в рамках переводческих принципов (в том смысле, как о них говорится во введении к диссертации), то, скорее, можно сказать, что оба способа перевода реализуют один и тот же принцип – собственно перевода слова, т. е. подбора ближайшего лексического соответствия в церковнославянском языке. В этой связи не вполне понятно утверждение о том, что, по данным перевода этой группы лексики, «в переводе Исаи реализовано иное представление» об «ученом» регистре, чем у Славинецкого и Сатановского (с. 83) – как будто бы уравнивается выбор переводчиком конкретного слова для перевода и выбор переводческого принципа в целом. Между тем, языковые факты, представленные в следующих главах диссертации, в некоторых случаях показывают, что один и тот же переводчик может пользоваться несколькими синонимичными средствами перевода, и привязка принципа к выбору одной из лексем себя не оправдывает. В частности, на с. 83 автор указывает, что наречие *vulgo* Славинецкий и Сатановский переводят как *народнъ* – в противовес *шще* у Исаи, в то время как пример, приведенный на с. 125 показывает, что Славинецкий для перевода *vulgo* так же, как Исаия, мог воспользоваться наречием *обще*. Понятие «принципа» в некоторых случаях в диссертации приравнивается к способу перевода – например, на с. 184 автор пишет о «шести основных принципах», перечисляя далее способы перевода. Также непонятно, о каком принципе идет речь на с. 126, где буквальное заимствование архитектъ реализует, по мнению Натальи Владимировны, «тот же принцип», что и создание композитов со второй частью *-началникъ*. При

важности для темы исследования понятие «принципа», на наш взгляд, следовало бы использовать более однозначно и непротиворечиво.

Благодаря исследованию Натальи Владимировны Николенковой феномен «ученого» регистра в рамках подхода, разделяющего допетровский литературный язык на регистры, получает описание набора языковых особенностей, отличающих его от других форм бытования. При указании на большое количество конкретных черт разных языковых уровней в работе обсуждается вопрос об их иерархии и степени значимости для «ученого» регистра. В первой главе Наталья Владимировна указывает: «Первым и важнейшим признаком ученого регистра является, безусловно, *грамматический* подход к тексту» (с. 34). Между тем, в части выводов исследователь отмечает, что в «ученом» регистре «реализуется лишь один из параметров будущего языка науки, а именно терминологичность» (с. 390), выделяя как первостепенный лексический уровень текста. Из этого утверждения следует, что нормализация языка перевода на других уровнях – грамматическом и орографическом – не относится к «параметрам языка науки» и, следовательно, не составляет специфической особенности обсуждаемого регистра (ср. грамматический подход к тексту у Максима Грека). Приоритетная роль той или иной группы языковых явлений для установления регистровой характеристики других письменных памятников данного периода нуждается в дальнейшем специальном обсуждении.

Богатое фактическим материалом описание и проделанный Натальей Владимировной Николенковой анализ в процессе чтения работы вызвали у нас ряд **вопросов и замечаний**.

Важную роль при лексикологическом анализе в работе Натальи Владимировны Николенковой играют сопоставительные данные исторических словарей русского языка – практически каждое слово анализируется на фоне словарных данных и круга зафиксированных в них значений лексемы. В некоторых случаях словарные данные не привлечены в необходимом объеме. При обсуждении слова *ниже* (с. 315) автор пишет об отсутствии слова в СДРЯ XI–

XIV, в то время как оно все же рассмотрено в словаре как сочетание двух частиц, т. е. *ни же* (см. СДРЯ XI–XIV, т. 5, с. 401); лексема *убо* квалифицируется как «наносительный» (в терминологии Смотрицкого) союз (с. 312), хотя в СлРЯ XI–XVII представлена и омонимичная союзу усилительная частица *убо*, которая, судя по всему, и имеется в виду. Несколько неточностей допущено при цитировании СлРЯ XVIII. На с. 119 говорится о том, что слово *географический* «в словник СлРЯ XVIII не включено», хотя оно, конечно, присутствует в словнике – в гнездовой части статьи *География* (т. 5, с. 105); относительно латинизма *австъръ* Наталья Владимировна пишет о его отсутствии в исторических словарях (с. 206), тогда как оно описано в СлРЯ XVIII (см. т. 1, с. 18). В некоторых случаях описанию слова в работе могло бы посодействовать обращение к неопубликованным материалам картотеки СлРЯ XVIII – например, она дает существенно более раннюю фиксацию для слова *территория* (в варианте *территорiумъ*) – в географическом сочинении «Земноводного круга краткое описание» И. Гибнера в переводе 1719 г.; в ряде источников конца XVII – начала XVIII века находится калька для слова *aequinoctialis* от основы *равноощеден-*, аналогичный использованному в латино-славянском лексиконе Е. Славинецкого. Попутно заметим непоследовательность в работе при оформлении ссылок на СлРЯ XVIII (ссылки на другие словари оформлены однотипно): ссылки даются то на ресурс feb-web.ru, то на slovaronline.com, то на печатные выпуски; при этом в списке литературы к работе в качестве сайта словаря вместо официального указан сайт feb-web.ru. Предпочтительны, конечно же, ссылки на печатные выпуски или на официальный сайт словаря (xviii.iling.spb.ru), содержащий выверенный текст с устранением ошибок автоматического распознавания, в большом количестве содержащихся в тексте, размещенном на feb-web.ru.

Сопоставительный материал привлекается и по существующим научным исследованиям научной терминологии раннего этапа в русском языке и в целом лексики исследуемого периода. Явной лакуной в списке литературы к диссертации выглядит полное (!) отсутствие в нем работ Л. Л. Кутиной – в первую

очередь ее монографических исследований. В ряде случаев этот библиографический недочет оказывается критическим. Например, при рассмотрении слова *точка* (с. 94) Наталья Владимировна Николенкова пишет о раннем терминологическом его употреблении в Космографии 1670 г. (по данным словаря), в то время как в книге Л. Л. Кутиной «Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века)», вышедшей в 1964 г., указано на наличие этого термина в переводе Атласа Блау (его Кутина анализирует по списку Q.XVII.6). На с. 209 диссертации Наталья Владимировна пишет о том, что использование слова *нъдро* в значении ‘залив’ «не отмечается в работах, рассматривающих формирование географической терминологии в русском языке» – к числу таких работ почему-то не отнесена названная монография Л. Л. Кутиной, в которой отдельная глава посвящена ранним этапам формирования географической терминологии и говорится об использовании слова *нъдро* в этом значении (об этом идет речь на с. 162, 194 монографии). Также Кутина обсуждает термин *солнцестояние*, рассматриваемый в диссертации на с. 203, упоминает об употреблении в терминологическом значении слова *ось* в XVII в. (в диссертации – на с. 185) и т. д. В другой монографии, написанной Кутиной в соавторстве с Е. Э. Биржаковой и Л. А. Войновой, – «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века» – рассматривается слово *сфера*, отнесенное авторами книги к «старым заимствованиям из греческого» (см. с. 284 монографии). Соотнесение полученных Натальей Владимировной Николенковой данных с материалами упомянутых исследователей представляется необходимым при дальнейшей работе над этой темой.

Глава 4 диссертационного исследования Натальи Владимировны Николенковой, посвященная орфографии беловых экземпляров первых двух томов Атласа Блау, содержит большое количество точных подсчетов, дающих читателю представление о соотношении в почерках написаний разного типа. В главе, посвященной лексикологии, многие выводы также основаны на выборках

единиц этого уровня из текста источника, но в некоторых случаях их можно было бы сопроводить указанием на долю, которую занимает определенная лексема и ее корреляты в узусе переводчиков, точное количество найденных примеров. Например, на с. 134–137 Наталья Владимировна Николенкова описывает встретившиеся в переводе грецизмы, и по формулировкам (типа «приведем еще два примера») можно судить, что приведен неполный список таких лексем в памятнике. На с. 152 автор фиксирует в переводе «множество композитов» – преимущественно «индивидуально-авторских образований», на с. 239 также говорится о том, что число авторских композитов для обозначения должностных лиц в Атласе «очень велико»; возникает вопрос – сколько подобных лексем отмечено в исследованном материале. На с. 165 при рассмотрении суффиксов, характерных для идиолекта Епифания Славинецкого, автор описывает только «два из них», оставляя у читателя ощущение, что в действительности таких суффиксов больше (их было бы важно рассмотреть или хотя бы привести список).

Глава 3 в диссертации Натальи Владимировны Николенковой описывает грамматические явления и содержит наблюдения над работой переводчиков Атласа с парадигмами «Грамматики» М. Смотрицкого и заданной ими вариативностью части грамматических показателей. Убедительный пример такой искусственной дистрибуции, выработанной переводчиками Атласа, показан на примере окончаний форм вин. п. мн. ч., для которых «вхождение существительного в ряд однородных членов способствует появлению одного и того же окончания» (с. 264). Материалы форм сказ. п. мн. ч., приводимые Натальей Владимировной (с. 266), по нашим наблюдениям, содержат интересную деталь, отражающую, по-видимому, явление орфографической диссимиляции: писец стремится избегать употребления варианта -ѣхъ в словах с ё в корне (ср. лшвѣхъ, камыцѣхъ, островѣхъ и др., но вѣтрахъ, лѣсахъ, мѣстахъ).

Представленные в этой же главе материалы употребления форм степеней прилагательных в тексте (с. 282–286) убедительно показывают ориентацию на искусственные парадигмы Смотрицкого, разделившие генетически однородную

категорию (сравнительную степень с разными формантами) на компаратив и суперлатив. В языке описания, на наш взгляд, во избежание путаницы предпочтительно было бы квалифицировать формы в соответствии с их происхождением – в этом смысле форма *славнѣшиꙗ*, и форма *новшїи* (с. 282–283) относятся к сравнительной степени, поэтому в первом случае сложно говорить об «использовании превосходной степени на месте компаратива» и не вполне корректно оценивать стандартную форму компаратива болїи как «несколько искусственную», а формы ее косвенных падежей типа *болша* – как пример «несоответствия компаратива и суперлатива» (с. 285). Использование форм типа *славнѣшиꙗ* для перевода лат. форм на *-ior-* может говорить о том, что переводчики расценивали их и как формы компаратива – особенно наглядно это видно для представленных в диссертации форм степени *восточнѣшиа* и *западнѣшиꙗ*, но *новшїи* (в латыни везде *-ior-*) (очевидно, форму типа **восточншїи* было бы сложно образовать по морфонологическим причинам).

Квалификация отдельных языковых единиц и некоторые особенности описания в работе, по нашему мнению, нуждаются в корректировке и вызывают вопросы.

На с. 127 в качестве фона привлекаются данные «лексикографической» традиции Московской Руси. Почему в качестве единственного представителя этой традиции выбрана рукопись Син. 353? Слово *соепаршескїи* (с. 142) Наталья Владимировна квалифицирует как «*verba ficta*» – почему так назван только этот случай поморфемного перевода (или так можно обозначить и другие единицы языка перевода, ср. множ. число *verba ficta*)? Неясно, почему попытка «распределить употребления латинского *sedes, is*» (с. 166), притом – не удавшаяся переводчикам (говорить «о выработанном принципе распределения лексем .. прежде временно», с. 168) расценена как лингвистический эксперимент. Вызывает сомнения связь широкого распространения в переводе слов на *-ище* с локативной семантикой и частым использованием слова *поприще* (которое не используется в Атласе в локативном значении), предполагаемая на с. 170. На

с. 187 Наталья Владимировна говорит об использовании «авторского варианта передачи греческого слова» словом *превязка*, тогда как, судя по приведенному контексту, это слово переводит латинское слово *fascias*. На с. 192 говорится о «двуих формах» существительного, хотя имеются в виду два разных слова – *zodium* ‘созвездие зодиака’ и *zodiacus* ‘зодиак’. Нужно ли предполагать «ориентацию на известную модель» для образований типа *полдиаметр* – на формы половинного квантитатива, хотя это два разных способа для передачи данной семантики, параллельно использовавшиеся в языке²? В примере на с. 212 слово *устье* используется в значении ‘исток’ (а не в современном ‘устье’). Слово *держава* на с. 222 автор диссертации определяет как «русизм» со ссылкой на словарь М. Фасмера, хотя Фасмер русизмом его не называет. Также к русизмам отнесено на с. 223 слово *воевода*, хотя оно известно старославянскому языку и его отнесение к русизмам требует обоснования. В связи с обсуждением слова зїггїверъ в переводе А. Сатановского (с. 375) в качестве первой фиксации слова в языке можно указать контекст из Евхология великой церкви – перевода конца XIV в.³

При разборе омографов тв. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. Наталья Владимировна Николенкова говорит о следовании писца «орфографическим канонам ГМ» (с. 255), но по описанию можно сделать вывод, что здесь узус памятника соответствует ГС (т. е. первому изданию Грамматики Смотрицкого), т. к. оппозиция ъ/ь для противопоставления форм в переиздании не используется. При рассмотрении словосочетаний, «позволяющих выявить позицию переводчиков» Атласа Блау при переводе род. п. приименного, автор делает противоречий первоначальному утверждению вывод о том, что по этим примерам «позиция Славинецкого при переводе не определяется» (с. 275). В разделе, посвященном местоимениям, автор указывает на разницу в переводе латинских местоимений во

² Ср. наше исследование: Мольков Г. А. История слова *пол* ‘половина’ в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.») // Русский язык в научном освещении. № 2 (32). 2016. С. 115–142.

³ См. словоуказатель в издании: Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Указатели. Изд. подгот. Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Оборнева З. Е., Хробостова А. А., Шарихина М. Г. / Отв. ред. Г. А. Мольков. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 133.

вступительной части Атласа («ВВК») и первых двух томах (с. 308). На наш взгляд, примеры такого различия не показывают, т. к. редкие примеры использования в ВВК слова что соответствуют местоимению *quid* в оригинале (тогда как местоимению иже соответствует латинское местоимение *qui*, *quae*, *quod*). В параграф, посвященный формам настоящего времени, Наталья Владимировна включила также данные по употреблению форм инфинитива в источнике (с. 292) – на наш взгляд, выделение инфинитива в отдельный параграф упростило поиск по тексту диссертации.

Из примеров, приводимых Натальей Владимировной Николенковой в орфографической главе, вызывает сомнения форма крила как пример украинизированного написания (с. 336). В этом слове гласный *и* в корне является этимологическим (см. словарь М. Фасмера), и употребление лексемы в огласовке *крило*, по-видимому, связано с ориентацией на более традиционный ее вариант в рамках церковнославянского языка. При рассмотрении графем *у/ оу/ ѹ* автор диссертации упоминает о том, что правило грамматики «не дает норм распределения графем» (с. 341), что ставит под сомнение вывод о том, что «основной писец выполняет правило ГМ» (с. 342).

Исследование Натальи Владимировны Николенковой прошло **апробацию**, подтверждающую квалификацию автора, в виде докладов на конференциях разного уровня и публикаций в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (по социальным и гуманитарным (филологическим) наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное

исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Николенкова Наталья Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
ВЕДУЩИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК отдела русской
исторической лексикологии и лексикографии
ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук»
(ИЛИ РАН)

МОЛЬКОВ Георгий Анатольевич

9 сентября 2025 г.

Контактные данные:

тел.: 7(812)328-16-12

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:

199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9
ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук»
(ИЛИ РАН), отдел русской исторической лексикологии и лексикографии
Тел.: 7(812)3284611; e-mail: iliran@mail.ru

Подпись Г.А. Молькова удостоверяю: